

ПУТИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ

М. А. Маслин

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВВ.

«Речь идет об уникальном мыслительном опыте, еще до конца не понятом...»

Д. К. Бурлака о русской философии

Освещение темы «История русской философии как научная дисциплина» (хотя бы и в указанном в заглавии временном интервале) требует, несомненно, большого пространства, не укладывающегося в статью. Необходимо уточнение: речь здесь идет отнюдь не обо всем «уникальном мыслительном опыте русской философии». К тому же, по справедливому мнению Д. К. Бурлаки, опыт-то этот еще не понят до конца. Можно интерпретировать данное суждение и в том смысле, что этот опыт едва ли вообще может быть понят «до конца», если подразумевать под русской философией не законченный, а продолжающийся феномен культуры (значит, не имеющий конца). Поэтому необходимо указать, что конкретно имеется в виду. 15 мая 2013 г. исполняется 70 лет со дня образования кафедры истории русской философии на философском факультете Московского университета имени М. В. Ломоносова. Краткой истории кафедры в восприятии ее воспитанника — студента, аспиранта, научного сотрудника, преподавателя и посвящается данная статья.

От образования данной кафедры, собственно, начинается институциональная история русской философии как самостоятельной дисциплины, впервые ставшей в нашей стране отдельным предметом университетского преподавания. Для понимания сущности истории философии как таковой, как научной дисциплины, подходит, по определению Э. Ю. Соловьева, метафора музея, поскольку музей предназначен для хранения, изучения и распространения знаний о памятниках философской мысли. Еще раньше музей использовался создателем философии общего дела Н. Ф. Федоровым как собирательный образ научного хранилища духовной памяти об отцах — как «собрание в единство» этой памяти и как «призыв на службу отечеству». Пользуясь этой метафорой, необходимо упомянуть также «доисторический период» существования истории русской философии как науки.

В этом метафорическом музее первую страницу следует отнести общему курсу по истории философии архимандрита Гавриила (В. Н. Воскресенского), в рамках которого впервые рассматривалась история русской философии. Выпускник Московской Духовной академии — Гавриил был определен на должность преподавателя

богословских наук в Казанском университете 23 октября 1841 года и это время можно, приблизительно, считать началом преподавания истории русской философии вообще. «Приблизительно» — потому, что Гавриил читал множество предметов, в том числе богословие и церковное право, а также логику, психологию, метафизику, этику и историю философии.

Очевидно, что появление кафедры истории русской философии во время Великой Отечественной войны было актом патриотизма. Обращает внимание то, что учреждение кафедры по времени точно совпадает с крупной исторической датой: 15 мая 1943 года ИККИ (Исполком Коминтерна) принял решение о роспуске этой организации. Это существенно меняло тактику коммунистического движения, прежде всего за счет использования в борьбе против фашизма национальных культурных традиций. Отсюда понятно, что основание кафедры было не столько научно-образовательным, сколько политико-идеологическим решением, призванным раскрывать советский патриотизм на материале статей В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» и «О национальной гордости великороссов». Нужно было показать, в духе ленинского учения о «двух культурах», что, как говорил поэт, «у советских собственная гордость, кепчонку не сдернем с виска». Культивирование этой «советской гордости» и было целью основания кафедры.

В дальнейшем это привело к тому, что различные направления русской философии стали классифицировать не на основе их собственной ценности, а с ориентацией на доказательство их классово-идеологической принадлежности. Здесь нормы партийности были особенно строги. В соответствии с такой установкой «дворянские», «буржуазные», «либеральные», «реакционные», «революционно-демократические» — выстроенные по социально-политическому признаку — идеи и учения должны были рассматриваться как находящиеся в состоянии перманентной борьбы, в которой «социальное» начало всегда побеждало «философское». Вопрос о национальном единстве русской философии по сути дела элиминировался, поскольку она представлялась не в качестве единой картины, а как некая сюрреалистическая совокупность отдельных фрагментов, как полотно, разорванное на части, окрашенное в контрастные, несовместимые цвета, или — в духе социалистического реализма — как некое оптимистическое полотно, служащее иллюстрацией победы «армии прогресса», с которым связывался материализм, атеизм и социализм.

В Ленинградском университете кафедра с тем же названием была образована позже, чем в Москве, в июне 1990 г., до этого существовала секция истории русской философии при кафедре истории философии философского факультета, лидерами которой были известные советские философы — А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров. Не менее знаменитым в советское время московским историком русской философии был И. Я. Щипанов, ревниво относившийся к более молодым ленинградцам и старавшийся при случае их «прижать». Ленинградцы успешно «огрызались», например, пустили в ответ хлесткий термин «щипановщина». Но при всем при этом между москвичами и ленинградцами не было существенных теоретико-методологических разногласий. Обе школы, и московская, и ленинградская, работали в марксистско-ленинской парадигме. Не было той ощутимой разницы, что теперь именуется «шифтом», вроде метафизического расхождения между «москвософией» и «петербургологией» (термины Василия Ванчугова).

Иван Яковлевич Щипанов был властным человеком и играл на факультете роль «серого кардинала», руководил кафедрой жестко, можно сказать, авторитарно, требовал

строгой дисциплины, но и сам очень много работал. (Я это хорошо знаю, поскольку был у Щипанова заместителем по учебной работе.) На кафедре он засиживался допоздна (это бывало часто), не отпускал лаборантку, М. И. Салай, а заодно и автора этих строк. В эти вечерние часы кафедра превращалась в своего рода «теневого кабинет» всего факультета, где решались многие вопросы. Но были визиты не только мировоззренчески близких ортодоксу-Щипанову людей, но и ученых совсем иного образа мыслей. Мало кто знает о том, что такой выдающийся профессор, как Алексей Сергеевич Богомоллов — историк зарубежной философии и вроде бы «западник» по определению, в последние годы своей жизни частенько заходил в кабинет к Ивану Яковлевичу в конце рабочего дня и задавал ему вопросы по тем разделам русской философии, которые не освещались тогда и были под запретом. Надо сказать, что у Щипанова была большая библиотека «спецхрановской» литературы, кроме того, он обладал редкой памятью (особенно на даты) и мог говорить на самые разные темы буквально часами. Правда, на руки эти книги он не давал, хотя на вопросы отвечал охотно. Помню, например, как он пересказывал содержание спецхрановского сборника «Из глубины». Надо было его только, что называется, «раззадорить». Богомоллов прекрасно этим пользовался. Несмотря на то что на выборах декана прошла кандидатура А. Д. Косичева, которого выдвигал и поддерживал И. Я. Щипанов, а А. С. Богомоллов получил меньше голосов, хотя пользовался поддержкой молодого ректора, выдающегося физика — академика Рэма Викторовича Хохлова. Сегодня я отчетливо понимаю, что Богомоллов был едва ли не первым среди факультетских «западников», кто готовился к тому времени, когда можно будет изучать русскую философию без изъятий. Если бы Богомоллов прожил дольше, наверняка стал бы, благодаря своему мощному интеллекту, крупным историком русской мысли, подобно таким авторам, как П. П. Гайденко и А. В. Гулыга. Будущий «бум русской философии» предощущался еще в начале 80-х г., к этому времени монолит марксистско-ленинской философии фактически был размыт и перестал существовать как целое. Хотя в целом на факультете примерно до конца 80-х преобладали скорее «западнические», чем «славянофильские» настроения.

Не могу не вспомнить в связи с моим рассказом об истории кафедры встречу с Анатолием Андриановичем Галактионовым, которая состоялась 4 июня 1997 года во время проходившего в Петербурге Первого Российского Философского конгресса. После завершения пленарного заседания, проходившего на Васильевском острове, мы — группа историков русской философии, включавшая: нашего петербургского друга А. А. Ермичева, нижегородцев Л. Е. Шапошникова и Н. А. Бенедиктова, а также москвичей — В. А. Кувакина и меня, раздумывали, куда бы пойти обсудить итоги дня, так сказать, в неформальной обстановке. Нас окликнул Галактионов: «Куда нацелились, гвардейцы? Предлагаю ехать ко мне домой, жена на даче, квартира в нашем распоряжении, я на машине, по дороге купим что надо. Берите такси, кто не поместится в машину, и езжайте за мной». И не дожидаясь нашего согласия, хромая (он был инвалидом Великой Отечественной войны) пошел к машине. Мы не пожалели, что поехали к Галактионову. У него мы засиделись допоздна, выпивали и беседовали; главное, слушали интереснейшие рассказы и суждения нашего мэтра-ленинградца: о блокаде, о трагической кончине П. Ф. Никандрова, о судьбе марксизма, о том, куда пойдет русская философия, и о многом другом. Между прочим, Галактионов, одобряя в целом только что вышедший словарь «Русская философия» под моей редакцией, весьма строго отчитал меня за то, что там отсутствует статья о Щипанове. «Нехорошо забывать своих учителей», — сказал он, и я обещал, что в следующем издании статья

будет. Она вышла в энциклопедии «Русская философия» (2007). Галактионов задал мне вопрос: «А кто писал отзыв от кафедры на рукопись последнего варианта нашей с Никандровым книги?» Я признался, что рецензия написана мной, поскольку от Щипанова было указание дать отзыв. Однако ничего «ругательного» там не было, речь в рецензии шла о конкретных постраничных замечаниях. Щипанов подписал рецензию и прибавил свои характерные критические формулировки начет необходимости доработки рукописи. Галактионов, по его словам, сразу распознал, что основной автор рецензии не Щипанов (стиль другой) и даже поблагодарил за сделанные замечания.

Надо сказать, что главным учебным пособием советского времени на кафедре считалась пятитомная «История философии в СССР», подготовленная философским факультетом совместно с Институтом Философии АН СССР. Однако работа ленинградских авторов, очевидно, была более пригодной в качестве учебника. Совместная работа А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова, особенно ее издание 1970 года, очевидно, являлась лучшим учебником по истории русской философии из того скудного ассортимента, что был выпущен в советское время. Правда, на кафедре вслух высказывать это мнение было не принято.

Главное значение образования кафедры состояло в возможности создать первый университетский курс по истории русской философии, еще очень несовершенный, фрагментарный. Первоначальный курс был «выборочным», он включал только те темы, которые по обстоятельствам времени дозволялись с позиций марксистско-ленинской партийности. Он начинался с Ломоносова и заканчивался Плехановым. В его основе были лекции М. Т. Иовчука, первого заведующего кафедрой (по совместительству). Соавтором этого курса был Г. С. Васецкий, а назывался этот курс «Очерки по истории русского материализма XVIII и XIX веков». Фактически это еще не был университетский курс, так как его основу составило учебное пособие, опубликованное в 1942 г. для слушателей Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). В нем рассматривались взгляды Ломоносова, Радищева, Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Менделеева, Тимирязева и Плеханова. Упоминались взгляды Чаадаева и славянофилов, но только в качестве предшественников Герцена.

В 1947 г. на должность заведующего был назначен И. Я. Щипанов, который руководил кафедрой до 1983 года, вплоть до своей кончины. Год от года курс пополнялся новыми темами. В него было включено изложение взглядов декабристов, народников, некоторые темы русской философской мысли XV–XVII в., философия XVIII в. (просветительского направления); XIX в. пополнился рассмотрением взглядов Д. М. Велланского, М. Г. Павлова, А. И. Галича, Н. И. Надеждина, Н. В. Станкевича, Т. Н. Грановского, П. Я. Чаадаева, славянофилов, В. С. Соловьева, Б. Н. Чичерина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, В. В. Берви-Флеровского, Л. И. Мечникова, М. М. Ковалевского. Завершался курс рассмотрением русского марксизма и философских идей Ленина. После создания в 1957 г. кафедры истории марксистско-ленинской философии они вошли в программу этой кафедры. Но после ее упразднения в 1991 г. тематика русского марксизма снова вошла в общий лекционный курс, хотя и в меньшем объеме.

С 1955 г. кафедра стала называться кафедрой истории философии народов СССР, и в лекционный курс стали включаться отдельные лекции по истории философской мысли Закавказья, Средней Азии, Прибалтики, Украины, Белоруссии и Молдавии. В целом же переименование кафедры сказалось главным образом не на учебном процессе, а на научной работе. Кафедра превратилась в вузовский центр подготовки специалистов для союзных и автономных республик. В аспирантуре и докторантуре

стали готовиться диссертации по истории философской мысли народов СССР. В то же время попытка создания «интернациональной» истории философии народов СССР, проходившая под патронажем высших партийных органов и Академии наук СССР, для собственно истории русской философии оказалась малопродуктивной. Пятитомная «История философии в СССР» (1968–1985), названная студентами «синей птицей», фактически отражала господствующую в СССР политику «двойных стандартов» по отношению к философскому наследию народов СССР. Демонстрация разнообразных «национальных по форме» философских идей была основана на расширительном их толковании, в результате национальные элиты союзных и автономных республик получали право легитимизировать в качестве философских и религиозные, и социально-политические, и литературные, а также мифологические, в том числе бесписьменные, невербальные источники. Причем такие права получали только представители нерусских народов СССР, зачастую впервые и со многими натяжками. Здесь уместно привести высказывание Валентина Распутина: «Нельзя было вымолвить русское слово. Жили с обдерганной историей, литературой и философией». Так конструировалась «искусственно интернациональная», или «лукаво интернациональная», философия народов СССР, что принесло впоследствии для национальных элит в советских республиках, а затем и этнократий в СНГ немало дивидендов. Политика поощрения «национальных кадров» затрагивала исключительно представителей нерусских национальностей, которые зачислялись без экзаменов в лучший университет страны, а затем по целевым направлениям обучались в аспирантуре и докторантуре.

Если при изложении философии народов СССР использовалась «расширительная» трактовка, то история русской философии в советское время, напротив, писалась и излагалась с «зауживающих» ее позиций. В тех условиях это было «лучше чем ничего». Самым ценным было опубликование избранных философских произведений В. Г. Белинского в 2-х томах (1948), М. В. Ломоносова (1950), А. Н. Радищева (1949, 1952), декабристов в 3-х томах (1951), русских естествоиспытателей первой половины XIX в. (1959), русских просветителей от Радищева до декабристов в 2-х томах (1966). Источники по религиозной и идеалистической философии практически не публиковались, очень скудный их набор был представлен лишь в подготовленном В. В. Богатовым и П. С. Шкуриновым четвертом томе антологии мировой философии «Философская и социологическая мысль народов СССР XIX века» (1972). И все-таки, даже при нехватке соответствующих текстов, на кафедре читались спецкурсы, посвященные философии В. С. Соловьева, А. А. Козлова, Л. М. Лопатина, Н. О. Лосского, С. Л. Франка (проф. И. Я. Щипанов), рассматривалась философия П. Я. Чаадаева, которой посвятил две своих монографии проф. П. С. Шкуринов, им же анализировалась философия русского позитивизма (Позитивизм в России XIX века. М., 1980). В. В. Богатов впервые стал включать в основной курс лекций темы и персоналии по духовно-академической философии, т. е. профессиональной философии, развивавшейся в стенах духовных академий в Москве, Киеве, Петербурге и Казани. Дефицит литературы религиозно-идеалистического характера отчасти помогала компенсировать (до 1970 г., т. е. до переезда на факультета на Воробьевы горы) хорошая факультетская библиотека, имевшая дореволюционные издания русских философов и полный комплект журнала «Вопросы философии и психологии». Конечно, по обстоятельствам времени, все темы, касавшиеся русской религиозной философии, должны были освещаться в марксистском критическом ключе. Это получило свое отражение в первых в своем роде работах В. А. Кувакина, в его кандидатской — «Критика

экзистенциализма Бердяева» (1975) и докторской диссертации — «Религиозный идеализм в России эпохи империализма» (1980).

Свое второе рождение кафедра переживает начиная с 1989 г., когда ей было возвращено первоначальное название — «Кафедра истории русской философии». Инициатором возвращения кафедре ее аутентичного названия стал ее новый заведующий В. А. Кувакин, сменивший в 1985 г. исполняющего обязанности заведующего кафедрой В. В. Богатова, назначенного на эту должность после смерти И. Я. Щипанова. Перемена названия не означала, однако, что кафедра полностью отказалась от изучения философской мысли других народов России. Особую актуальность в постсоветское время приобрела проблематика историко-философского и культурологического кавказоведения, которая находит свое отражение в специальных курсах профессора Т. М. Караева, автора монографии «Россия и Кавказ. Проблемы культурной ориентации» (2001). В последнее время данная проблематика вызывает большой интерес университетской корпорации и Т. М. Караев читает соответствующие курсы в Институте стран Азии и Африки, а также на факультете иностранных языков и регионоведения.

В последнее десятилетие XX в. произошло огромное возрастание интереса к истории русской философии. Это было поистине «замечательным десятилетием», если использовать известные слова П. В. Анненкова о 30–40-х гг. XIX в. «Философское пробуждение» в области истории русской философии продолжается и в следующем десятилетии XXI в., составляя характерную черту философского этоса постсоветского периода, как нельзя лучше характеризуемого известной формулой: «Новое — это хорошо забытое старое». Новой реальностью стало невозможное ранее преподавание целостного, без лакун, курса по истории русской философии, охватывающего материал от середины XI в. до наших дней. К этому надо добавить, что темы, проблемы и персоналии русской философии затрагиваются ныне и в курсах по многим другим философским дисциплинам. Коллектив ученых кафедры во главе с В. А. Кувакиным подготовил двухтомную «Историю русской философии», вышедшую в США на английском языке в 1993 г. Это был первый постсоветский опыт опубликования англоязычной версии истории русской философии, написанной самими русскими философами.

В современной России «поворот к русской философии» произошел как раскрепощение философского сознания, как отказ от застарелой марксистско-ленинской партийности. Это выразилось в обращении к герменевтическим и феноменологическим подходам Г. Г. Шпета, к русскому космизму, к философии культуры М. М. Бахтина, к софийному идеализму А. Ф. Лосева. Налицо обширная диссертационная литература по русской философии, подготовленная на кафедре. В это время защищают свои кандидатские диссертации молодые преподаватели кафедры — А. П. Козырев и Б. В. Межуев по философии В. С. Соловьева, А. А. Попов по философии славянофилов. Кандидатская диссертация В. В. Ванчугова «Очерк истории философии “самобытно-русской”» была защищена по опубликованной в 1994 г. монографии и стала известным в научном сообществе руководством по историографии отечественной философии. (С 2011 г. В. В. Ванчугов работает на кафедре уже в качестве профессора, доктора философских наук). Важной стороной научной деятельности кафедры становится публикация ранее недоступных текстов русских философов. В 1991 г. с предисловием и комментариями В. А. Кувакина и М. А. Маслина была опубликована «История русской философии» Н. О. Лосского. А. П. Козырев и Б. В. Межуев принимают участие в подготовке в Институте Философии РАН полного научного собрания сочинений В. С. Соловьева. У кафедры установилось плодотворное сотрудничество с Русской христианской гуманитарной

академией в Петербурге, выпускающей широко известную серию «Pro et Contra». В этой серии А. П. Козырев опубликовал двухтомное издание «К. Н. Леонтьев: Pro et Contra» (СПб., 1995). К 300-летию юбилею М. В. Ломоносова М. А. Маслин составил антологию «М. В. Ломоносов: Pro et Contra. Личность и творчество М. В. Ломоносова в оценках русских мыслителей и исследователей» (СПб., 2011). А. П. Козыреву принадлежит ряд публикаций архивных материалов по философскому наследию В. С. Соловьева и С. Н. Булгакова в «Ежегодниках по истории русской мысли» за 1997 и 1998 гг., а также публикации впервые изданных в России избранных сочинений В. Н. Ильина: «Эссе о русской культуре» (СПб., 1997) и «Пожар миров» (М., 2009). М. А. Маслин опубликовал две антологии сочинений русских философов: «О России и русской философской культуре. Мыслители русского послеоктябрьского зарубежья» (М., 1990) и «Русская идея» (М., 1992). Вступительная статья к последней антологии была опубликована в переводах на немецкий, английский, польский и китайский языки.

В постсоветский период заметно меняется язык философской культуры, это выражается в обновлении философской лексики за счет использования русской философской терминологии. Специфические понятия русской философии, такие как «всеединство», «цельное знание», «месторазвитие», «соборность», «культурно-исторические типы» и многие другие, все чаще используются в России, и отнюдь не только историками русской мысли. В этих условиях чрезвычайно важно представить аутентичную трактовку этих понятий, осветить основные исторические эпохи и темы русской философии, показать особенности рецепции в России классических философских систем Запада, раскрыть значение и содержание главных источников русской философии, проанализировать важнейшие тенденции историографии русской философии. Все эти задачи были реализованы в большом коллективном труде кафедры — словаре объемом 83 а. л. «Русская философия» (М., 1995, 1999), выпущенном под общей редакцией М. А. Маслина. Это первое издание подобного рода, оно было положительно встречено российской философской общественностью (рецензии в главных философских журналах, публицистических изданиях, газетах). Положительные рецензии на словарь были опубликованы в Австрии, Швейцарии, Германии, Франции. Этот главный научный проект кафедры был продолжен опубликованием энциклопедии «Русская философия» (М., 2007) объемом 109 а. л. Интерес к этому изданию за рубежом показал, что русская философия является предметным и проблемным полем для диалога мировоззрений не только внутри себя, но и для внешних наблюдателей, представителей иных культур. Внимание к русской мысли за рубежом является показателем того, что ее ценности заняли определенное место в современном сознании и на Западе, и на Востоке. Об этом свидетельствует, в частности, перевод русского издания энциклопедии «Русская философия» (2007), подготовленного кафедрой, на сербский (2009) и французский (2010) языки. Такое внимание очень ценно для русской философии, так как позволяет многое понять в ней «со стороны». Ведь для каждой культуры, как и для каждого человека, очень важно знать не только то, что он или она думает о себе, но и то, что о них думают и другие люди. Это необходимая предпосылка, можно сказать, презумпция всякого межкультурного диалога.

Используя опыт работы над словарем и энциклопедией, авторский коллектив под руководством М. А. Маслина подготовил учебник «История русской философии» объемом 60,2 а. л. (М., 2001; 2008). Учебник рекомендован УМО классических университетов России в качестве учебника по истории русской философии для студентов философских факультетов. Он посвящен 250-летию Московского университета и явился

вкладом кафедры в юбилейные мероприятия, посвященные основанию первого русского университета. История философской мысли в Московском университете традиционно занимает важное место в учебной и научной работе кафедры. Ведущим специалистом в этой области является проф. А. Т. Павлов, автор монографии «Философия в Московском университете», вышедшей в Петербурге, в издательстве РХГА в 2010 г.

Методологической основой научной и преподавательской деятельности членов кафедры на современном этапе ее существования становится концепция интегральной истории русской философии, представляемой в виде целостной картины, отражающей все главнейшие этапы и течения русской мысли, с начала развития философской мысли в Киевской Руси (XI в.) до философии XX в. включительно. Интегральная история русской философии включает также понимание русской философии не как прошедшего, но как продолжающегося феномена философской культуры. Данная концепция была сформулирована в концептуальной форме на Всероссийском симпозиуме историков русской философии, приуроченном к 60-летию воссоздания философского факультета в Московском университете (14–17 ноября 2001 г.). Симпозиум был подготовлен совместно с Обществом историков русской философии имени В. В. Зеньковского. По итогам симпозиума был подготовлен сборник «Русская философия: многообразие в единстве» (М., 2001), в котором представлены работы ученых Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Екатеринбурга, Нижневартовска, Воронежа, Пензы, Иванова, Самары, Ельца, Перми, Тамбова, Благовещенска, Кирова, Владивостока.

На симпозиуме отмечалось многообразие тем, подходов, изучаемых ныне проблем и персоналий русской философии. И вместе с тем был констатирован, может быть, даже кризис единства русской философии. Этот кризис порожден разными определениями самой предметной области русской философии, в частности, теми определениями, которые касаются ее генезиса, периодизации, основных особенностей. Ведь «наличность развития» русской философии включает в себя несколько разных исторических эпох — XI–XVII, XVIII, XIX (первой и второй его половин), а также XX–XXI столетий, и каждая из этих эпох выдвигает свое понимание философии. Отсюда разночтения, определяемые разделением труда среди разных представителей профессионального сообщества историков русской мысли. Каждая эпоха сдержит то, что можно было бы назвать «осевым временем» для русской философии. Однако как бы ни были своеобразны разные эпохи русской философии, они представляют все же единое культурно-философское пространство. Установлением данного единства и занимается интегральная история русской философии, основанная на современных историографических и источниковедческих изысканиях, позволяющих оценивать разнообразные проявления русской мысли на основе их собственно философского содержания, а не с позиций какой-либо партийности, философской или идеологической. Разумеется, установление такого единства отнюдь не отменяет разнообразия методологических подходов, это ни к коем случаю не «приведение к общему знаменателю» или «усреднение» разных позиций и точек зрения.

Известные итальянские историки философии Джованни Реале и Дарио Антисери замечают, что всякие философы вообще интересны не только тем, о чем они говорят, но и тем, «о чем молчат», традициями, которые они представляют. Продолжая эту мысль, можно сказать, что традиция — это не простое следование одних философских построений за другими, выстраивание их в цепочку экспонатов для музея. Метафора «истории русской философии как музея» — это не более чем метафора, но никак не бук-

валистская инструкция по «собираанию экспонатов». Традиции не провозглашаются, о них «молчат», это то, что вызревало в пределах данной философской культуры, определялось ее историческими особенностями. Это означает, что русская философия в ее истории является историко-философским россиеведением, она озвучивает «то, что молчит», она отражает и прочитывает российскую реальность и находится по отношению к ней в состоянии социокультурной обусловленности. Такую позицию обычно называют «цивилизационным подходом». Но в его применении к русской философии следует избегать крайностей. Здесь не должно быть места для какого-либо редуционизма, прямого сведения живого событийного ряда к некоторым статичным цивилизационным основаниям, превращающимся в штампы и стереотипы, экспонаты этнографического музея с иконами, топорами, бородатыми мужиками, интеллигентами в пенсне и т. п. История русской философии, если она претендует на статус научной дисциплины, не может быть представлена как простая совокупность «этнотекстов». В лингвистике этнотекстом именуется сообщение языковых коллективов о своих собственных этноязыковых особенностях, отличающихся от других, иноязыковых лингвистических форм. Единство русской философии не может быть представлено лишь на основе ее языкового или этнокультурного единства, хотя бы потому, что русская философия создавалась не только на русском, но и на церковно-славянском, латинском, а также на основных европейских языках. Кроме того, русская философия обращена не только к своей собственной этноязыковой реальности, она обращена к всеобщему. Поэтому, как отмечал Б. П. Вышеславцев, не существует совершенно самостоятельной ни на что не похожей русской самобытной философии, поскольку ее основными проблемами являются универсальные проблемы мировой философии, хотя способы их решения национально-своеобразны.

Что же касается многообразия идей и проявлений русской философии, то оно понятно в силу самой природы философского знания. В отличие от истории философии, выстраивающейся в качестве научной дисциплины усилиями конкретных ученых, философия репрезентирует себя не как наука, а как живой поиск истины, творимый не какими-то механическими куклами, отражающими некие непреодолимые исторические тенденции, а разнообразными творческими людьми, идеи и учения которых несут на себе печать личности их создателей. Богатство и разнообразие философских личностей, характеров, темпераментов и судеб выразителей философских идей очень ярко представлено в русской философии.

Таким образом, «единство» и «многообразие» представляются существенными и соотносимыми характеристиками истории русской философии. В этом качестве они раскрывают тот уровень интерпретации и преподавания русской философии, который стремится быть представленным ныне на кафедре. Это и есть интегральная история русской философии.